

Т.П.Петрова

Незнакомое «черное» Перу

Статья посвящена проблемам негритянского населения Перу в колониальную эпоху и в период независимости. Приводятся исторические и статистические данные об участии негров в жизни перуанского общества.

Ключевые слова: рабство, «афроперуанос», этнические и социальные проблемы Перу.

Население современного Перу представляет собой своеобразный конгломерат разных этнических групп, в котором коренные индейские племена смешались с испанскими поселенцами еще во времена Конкисты, а затем этот генетический «коктейль» был пополнен выходцами из стран Азии и Африки. Потомков смешанных браков, в кровь которых в той или иной пропорции входит негритянский компонент, называют в стране «афроперуанос» (по аналогии с «афроамериканос» в США).

По данным Национального института по вопросам народов Андского и Амазонского регионов (El Instituto Nacional de Desarrollo de los Pueblos Andinos, Amazónicos y Afroperuanos del Perú, INDEPA), в 2010 г. в Перу существовало 112 поселений, в которых «афроперуанос» составляли большинство. На их долю приходится около 7% всего населения Перу; проживают они преимущественно в департаментах, расположенных на тихоокеанском побережье страны.

Первые партии африканских рабов были завезены в Латинскую Америку в XVI в., чтобы пополнить число рабочих рук, занятых как в домашнем хозяйстве, так и на плантациях и рудниках. Европейские державы вывозили «живой товар» из Африки, и он пользовался огромным спросом. В XVI в. лидером работорговли была Португалия, имевшая колонии и в Африке, и в Латинской Америке. Позже к этому прибыльному бизнесу присоединились и другие — Великобритания, Франция, Бельгия, Германия, Италия.

В Америку первые корабли с неграми-невольниками прибыли в 1518 г., а последние — в конце XIX в., к моменту, когда рабство уже было отменено в подавляющем большинстве стран континента (в Гаити — в 1790 г., в Мекси-

Татьяна Павловна Петрова — кандидат исторических наук, доцент кафедры внешней политики Дипломатической академии МИД РФ (tatpetrova@yandex.ru).

ке — 1829 г., в Санто-Доминго — в 1831 г., в Колумбии — в 1851 г., в Уругвае — 1853 г., в Венесуэле — 1854 г., в Перу — 1854 г., в Аргентине — 1864 г., на Кубе — в 1886., в Бразилии — в 1888 г.)¹.

Работоторговля в Африке существовала и до прихода европейцев, но только с их появлением этот процесс принял интернациональный характер. За жизнь раба с вождем племени, продававшим своих сородичей или военнопленных, европейцы расплачивались в основном тканями, бусами, ромом, так как денежные единицы расчета африканцами в те времена почти не использовались. Невольников гнали из внутренних районов африканского континента на побережье, где находились основные португальские порты (Золотой Берег, Берег Слоновой Кости). Там их помещали в трюмы кораблей, как правило, небольшого водоизмещения. Начинался долгий и опасный путь через Атлантический океан.

Количество рабов, вывезенных из Африки, не поддается точному учету, поскольку, во-первых, на них не составлялось никаких документов, и работоторговцы в лучшем случае оформляли очередную партию для продажи целиком; во-вторых, многие из «пассажиров» умирали во время перевозки; и, в-третьих, когда Англия добилась запрещения торговли людьми в 1807 г. (после победы над Испанией и Францией под Трафальгаром в 1805 г.) и получила право досматривать испанские и португальские корабли на предмет наличия «живого товара», капитаны судов, чтобы избавиться от улик, просто сбрасывали «груз» в открытое море. Поэтому общее число рабов африканского происхождения колеблется, по разным источникам, от 10 до 100 млн. Только одна Португалия с 1418 г. вывезла на продажу около 5 млн.

Во время транспортировки умерли не менее 2 млн человек, в основном из-за скученности и плохого питания. Большой проблемой на судах, перевозивших невольников, была смертность от массовых заболеваний (дизентерии, оспы и кори). Заболевших во избежание эпидемии так же безжалостно сбрасывали в море, как и бунтарей. Наконец, тех, кто смог преодолеть долгий путь, выгружали в портах Гаваны или Нового Орлеана для дальнейшей продажи на невольничьих рынках Кубы и США, где цена раба определялась его полом, возрастом, физической подготовкой, трудовыми навыками и пр. Здесь расчет осуществлялся уже монетарно. Часть невольников доставляли в Картахену (на территории современной Колумбии) и далее пешим ходом через Панамский перешеек переправляли на побережье Тихого океана, где вновь помещали на корабли, идущие в Калью, а оттуда уже по суше перегоняли в Лиму.

Почем покупали одного раба в бывших колониях Испании, можно установить весьма приблизительно. Так, в Лиме за него могли заплатить 400—650 песо (для сравнения, цена повозки типа фаэтон составляла 300 песо), а в Рио-де-ла-Плата — около 200. Это объяснялось как повышенным спросом (поскольку в Перу труд невольников использовали не только в домашнем хозяйстве — на латифундиях, но и на рудниках), так и высоким статусом вице-королевства, где за счет добычи и вывоза в метрополию золота и серебра сформировался класс весьма зажиточных людей.

Уже в 1550 г. число африканцев, доставленных в Перу, составляло 3 тыс., а общее число за весь колониальный период достигло приблизительно 95 тыс. Помимо перечисленных сфер применения подневольной рабочей силы негры трудились на первых мануфактурах (например, по

производству сахара), а также использовались в колониальных войсках в качестве денщиков и вспомогательного персонала.

Основная часть рабов, доставляемых в Перу, происходила с территорий современных Гвинеи-Бисау, Габона, Нигера, Конго, Мозамбика и Анголы. Нередко на тела невольников раскаленным железом наносилось тавро собственника; эта практика в вице-королевстве Перу была отменена только в 1784 г. Большое количество рабов принадлежало не только частным владельцам, но и монастырям. В 1767 г., когда во многих странах Латинской Америки был ликвидирован Орден иезуитов, выяснилось, что в его перуанских асьендах были заняты 5 тыс. рабов. Несмотря на то, что церковь в соответствии с постулатом о «любви к ближнему» должна была бы проявлять хоть какое-то сочувствие к положению негров и индейцев, на практике она защищала исключительно интересы их белых хозяев. С одной стороны, невольников обвиняли в том, что они являются дикарями и язычниками, а с другой — всячески препятствовали тому, чтобы они приняли христианскую веру. А тех, кто все же смог получить причастие, не допускали на службу в церкви вместе с белыми и заставляли работать семь дней в неделю, включая воскресенье, по 14—16 часов. В лучшем случае в качестве выходных негры имели два дня в году — Рождество и Пасху. Активно использовался женский и детский труд. Дети рабов начинали трудиться с пяти лет.

«Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства», — так совершенно справедливо охарактеризовал этот период Карл Маркс².

Отсутствие Испании в списке стран-лидеров работорговли объясняется отнюдь не гуманизмом конкистадоров, а тем обстоятельством, что на первых порах потребности в рабочей силе в значительной степени покрывались за счет местного населения. Основные повинности были возложены на индейскую общину — айлью. Именно общинники должны были строить новые города, монастыри, мосты, прокладывать дороги, платить налоги и церковную «десятину», содержать массу чиновников и авантюристов, прибывших осваивать новые земли. Однако со временем испанцам становилось все труднее заставить индейцев работать в шахтах и на рудниках, так как, не выдержав тяжелейших условий труда, они стали совершать массовые побеги. Тогда сферу деятельности рабов африканского происхождения расширили, привлекая их к охране тех объектов, где были заняты индейцы.

В 1795 г. население вице-королевства Перу составляло всего 1,5 млн человек: 1,1 млн индейцев, 250 тыс. испанцев, креолов и метисов, а также 50 тыс. негров и мулатов. Позднее взаимодействие представителей трех основных этнокультур все более усложнялось, появились потомки индейцев и негров (самбо), кварталеры и пр.

Отношение белых переселенцев к индейцам и неграм было в основном негативно-презрительное, как к «живой собственности», однако со временем в обществе появились и призывы гуманистического толка (в трудах Гуамана Помы де Айалы и Гарсиласо де ла Веги). Особенно широко идеи Просвещения, подразумевавшие и гуманизм, распространились в Ла-

тинской Америке после Великой французской революции и провозглашения независимости Соединенных Штатов Америки.

Социальный протест, накапливавшийся среди индейцев и негров-рабов, проявлялся в форме массовых выступлений, носивших как активный, так и пассивный характер (уклонение от работы, поломка рабочего инструмента, бегство с плантаций). Бежавшие невольники пытались основывать поселения в горах или джунглях и даже создавать там независимые государства, как это было, например, в Бразилии (знаменитая «Республика Палмарис»). Подобные процессы имели место и в Мексике, Панаме, Венесуэле и Перу, где поселения беглых рабов получили название «киломбос». Киломбос различались между собой как по числу проживающих, так и по времени существования: от нескольких месяцев или лет до продолжительности жизни одного-двух поколений. В таких случаях там успевали сформироваться даже некоторые подобия властных структур из местных «царьков» со штатом приближенных. Все мужчины поселения в мирное время работали в поле, занимались ремеслом. Свою продукцию они доставляли в город на продажу. Во время нападений мужчины мобилизовывались, а все работы поручались женщинам.

В сентябре 1713 г. в горах Уачипа (недалеко от Лимы) испанские королевские войска штурмом сломили сопротивление жителей деревни рабов. Бой продолжался целый день и закончился только тогда, когда был взят в плен лидер беглецов Франсиско Конго. Пленников доставили в город и предали суду. За шесть месяцев свободной жизни они заплатили тридцатью годами тюрьмы.

История сохранила имена еще нескольких предводителей освободительного движения. Так, в августе 1768 г. асьенды Сан-Хасинто в долине Непенья охватили волнения, среди лидеров которых упоминаются Большой Хулиан (Julian Grande) и Лоренсо Момбо (Lorenzo Mombo). В 1779 г. на асьенде Сан-Хосе-де-ла-Пампа (департамент Анкаш), где были расположены сахарные заводы, — Урсула Конга (Ursula Conga). Попытки испанских властей стабилизировать ситуацию путем введения ограничений на закупку негров в Африке (1817 г.) носили половинчатый характер, так как владельцы асьенд регулярно обращались в Мадрид с просьбами о сохранении рабовладения, мотивируя это тем, что нехватка рабов обернется экономической катастрофой для колоний.

Этот фактор послужил основной причиной того, что даже после провозглашения независимости рабство в Перу существовало и «де факто», и «де-юре». Как следствие — продолжались выступления черных невольников в различных департаментах (наиболее массовые имели место в 1826, 1833, 1844 гг.). Формы протеста носили разнообразный характер: от попыток, к примеру, захватить корабль «Санто-Доминго» и вернуться на историческую родину до провозглашения своей личной свободы и расправы с хозяином асьенды, как это было в 1848 г. в асьенде Непен.

Особый размах приобрели выступления рабов в 1850 г., когда они в массовом порядке покинули асьенды на севере Перу и собрались на центральной площади города Трухильо. Там они открыли карцеры, выпустив заключенных, и ворвались в казармы с целью захвата оружия. Это восстание стало еще одним сигналом для властей в пользу отмены рабовладения.

Наряду с вышеописанными попытками добиться свободы для себя и своих соплеменников многие негры и индейцы выбирали и иной путь со-

противления официальным властям. Они становились участниками настоящих банд, занимавшихся грабежом и разбоем. Наибольший масштаб этого движения отмечен в период с 1821 по 1854 г., когда отряды численностью в 20—40 хорошо вооруженных верховых быстро перемещались по стране, выступая в поддержку лидеров самых разнообразных политических направлений. Наиболее драматическим эпизодом того времени стала ситуация, когда Леон Эскобар — глава одного из таких формирований — 28 декабря 1835 г. вошел в Лиму, где занял кресло президента. Впрочем уже 30 декабря он был свергнут и через день расстрелян.

Иногда сопротивление принимало форму массовых восстаний, носивших взрывной характер, но зачастую первоначально лишенных четких лозунгов и сильных вождей. Со временем число и масштабы подобных восстаний заметно увеличились, появились и лидеры, способные привлечь под свои знамена большое количество недовольных. Одной из выдающихся личностей протестного движения был Хосе Габриэль Кондорканки, принявший имя последнего Инки, казненного испанцами, — Тупака Амару. В 1780—1781 гг. он возглавлял антииспанские выступления на обширной территории вице-королевства Перу, установил связи с индейскими лидерами горных районов, сформировал 40-тысячную армию, в которой помимо индейцев и мулатов были и негры. Именно он освободил негров-рабов из тюрьмы Сангарара и призвал жителей Куско отобрать у испанцев всех невольников, находившихся у них в услужении, и немедленно предоставить им свободу. Однако, не встретив поддержки у креольского населения, он отступил, а спустя несколько месяцев был взят в плен и казнен. Преследованиям подверглись не только непосредственные участники восстания, но члены семьи Тупака Амару, которые были вывезены в Испанию и Африку, где их поместили в тюрьмы и монастыри. Несмотря на поражение, протестные выступления продолжались, пусть и без явного успеха, и после его смерти не только в Перу, но и на территории современной Колумбии, Чили, Венесуэлы и Аргентины.

Поражения освободительных движений на континенте до начала Войны за независимость объяснялись рядом причин, имеющих свою специфику в каждой из колоний. В случае с Перу важную роль сыграло не только предательство, но и открытое сотрудничество с испанскими властями значительной группы креольского населения, которое в этом союзе видело залог стабильности своего положения. Именно это сотрудничество предопределило тот факт, что борьба за независимость приняла особо острый и затяжной характер, и окончательная битва (при Аякучо) между испанской и освободительной армиями состоялась именно на земле этой страны.

Имя Тупака Амару стало символом сопротивления в Латинской Америке не только в период борьбы против испанского колониального господства, но и в новых, современных условиях. Весьма символично, что документы, предусматривавшие глубокие социальные преобразования после прихода к власти прогрессивного военного режима Веласко Альварадо в 1968 г., назывались «План Инка» и «Тупак Амару».

В период Войны за независимость положение невольников резко изменилось: лидеры освободительного движения постарались привлечь на свою сторону не только индейцев, но и негров. «Никто в Перу не рождается рабом!» — таков был лозунг одного из лидеров освободительного движения

в Латинской Америке Хосе де Сан-Мартина, провозглашенный 28 июля 1821 г. Свободными становились негры, сражавшиеся в составе освободительных армий, а также те, кто находился на службе у испанцев. Однако 41,3 тыс негров все еще оставались рабами.

Конституции 1823 и 1828 гг. запрещали иностранцам ввозить рабов на территорию Перу. Юридической базой для ликвидации рабства была избрана форма выкупа и опеки, в соответствии с которой прежним владельцам выплачивались компенсации (в размере 300 песо за освобождение каждого раба), поэтому собственники нередко завышали число имевшихся у них рабов. Всего за выкуп были освобождены 16 тыс. человек, общая сумма государственных расходов составила 7,65 млн песо³. Большинство освобожденных негров покинули своих прежних хозяев и попытались устроиться на мануфактуры, однако некоторая часть вынуждена была остаться, не имея возможности адаптироваться к новым условиям. Кроме того, под давлением владельцев асьенд правительство Фелипе Сантьяго де Салаверри вновь легализовало доставку невольников в Перу. В итоге к 1872 г. в стране еще сохранялись 25505 рабов. Поэтому волнения в провинции продолжались в течение довольно длительного времени, но лозунги восставших были направлены уже не на символическое освобождение, а непосредственно против своих господ: «Смерть владельцам асьенд!» В ответ рабовладельцы готовы были обратиться за помощью даже к оккупантам-чилийцам (во время второй Тихоокеанской войны, 1879—1883 гг.). Отдельные акции протеста со стороны чернокожего населения имели место вплоть до 1881—1891 гг.

Официальной датой отмены рабства в Перу считается 4 декабря 1854 г. Это был второй решительный шаг Рамона Кастильи (наряду с отменой подушной подати для индейцев), пришедшего к власти в результате буржуазной революции. Его активная деятельность была направлена на решение внутренних и внешних проблем, с которыми страна столкнулась в ту нестабильную эпоху. Прежде всего необходимо было отменить многие законы, которые действовали еще с колониальных времен, выработать новые кодексы гражданского и уголовного права. Параллельно начался процесс укрепления экономики: строились железные дороги, текстильные фабрики, была налажена выплавка чугуна. Создавалась национальная банковская система (только в Лиме было открыто 11 банков). В стране возникли первые профсоюзы.

Память об отмене рабства навсегда связана у перуанцев с именем Кастильи, она сохраняется не только на официальном уровне, но и в фольклоре. Среди негритянского населения до сих пор популярны слова песни: «Да здравствует Рамон Кастилья, который дал нам свободу!».

Не меньших усилий от правительства Кастильи требовало и внешнеполитическое направление. В эту эпоху практически со всеми соседями страна вела территориальные споры. Их урегулирование было возложено на министерство иностранных дел, структура которого была трансформирована в соответствии с новыми условиями. Однако, несмотря на все усилия дипломатов, ситуация в регионе продолжала оставаться напряженной: Испания не оставляла попыток вернуть колонии, отделились Эквадор и Боливия. Обстановка осложнялась вмешательством третьих стран, в частности, Великобритании, Германии и США, в разрешение территориальных конфликтов. В конечном итоге все это привело к началу первой Тихоокеанской войны (1854—1860 гг.).

Как уже отмечалось, несмотря на выплаты со стороны государства за освобождение невольников, многие рабовладельцы всячески противились отмене рабства, поскольку не имели трудовых ресурсов, способных заменить рабов на плантациях и рудниках (белые и их потомки даже не рассматривались, а индейцы, массами бежавшие с рудников, не собирались работать там даже в качестве вольнонаемных). Тогда было найдено простое и оптимальное на первый взгляд решение — в Перу стали завозить трудовых мигрантов из азиатских стран. Первые переселенцы из Азии прибыли в Перу еще в XVII в. Так, по состоянию на 1613 г. в Лиме находились уже 114 человек из Азии: 56 малайцев, 38 филиппинцев и 20 японцев⁴. Активный поток «гастарбайтеров» шел из Китая. Сначала их использовали на самых неквалифицированных работах (в том числе в качестве кули), но позже они весьма успешно адаптировались в местном социуме, сохранив при этом свои культурные и религиозные особенности. В настоящее время китайская диаспора в Лиме является активным участником экономического, финансового и культурного сотрудничества между Перу и КНР.

Не иссякает толпа к образу «черного» Христа

Японская диаспора за истекшие полтора столетия также значительно упрочила свои позиции, свидетельством чего является избрание Альберто Фухимори президентом Перу на два срока (1990—2000 гг.) и выдвижение его дочери Кейко в качестве претендента на высший государственный пост в 2010 г.

С момента отмены рабства активно шел процесс формирования смешанных групп населения, который продолжается до сих пор не только в Перу, но и в других странах Латинской Америки, где присутствует африканский компонент. Параллельно происходила «притирка» различных демографических групп на едином общественном пространстве, шло формирование новых наций — перуанцев, чилийцев, мексиканцев, бразильцев, кубинцев и других.

С момента отмены рабства активно шел процесс формирования смешанных групп населения, который продолжается до сих пор не только в Перу, но и в других странах Латинской Америки, где присутствует африканский компонент. Параллельно происходила «притирка» различных демографических групп на едином общественном пространстве, шло формирование новых наций — перуанцев, чилийцев, мексиканцев, бразильцев, кубинцев и других.

Население африканского происхождения внесло существенный вклад в формирование религиозных и культурных традиций, музыки, кухни, развитие спорта в Перу. Именно в местах компактного проживания черных рабов сложилась совершенно неординарная трактовка христианского учения и главного его символа. Вместо привычного для европейцев светлого лика негры поклоняются темнокожему Христу — Кристо Морено (Cristo Moreno). Именно в таком виде изображение Господа Бога впервые появилось в одном из беднейших районов Лимы — Пачакамиле незадолго до

разрушительного землетрясения 1655 г. Когда стихия отступила, в округе не осталось ни одного целого здания, за исключением той стены, на которой был изображен черный Христос. Надо ли говорить, какое впечатление произвело это на жителей Лимы!

Когда ситуация повторилась в 1687 г., все окончательно уверовали в чудодейственную силу этого образа. В том же году Себастиан де Антуаньо переносит на холст изображение «черного» Христа, и икону впервые выносят на религиозную процессию. Позднее это изображение было помещено в специальный оклад из золота и серебра, а «Кристо Морено» объявлен покровителем Лимы и защитником от землетрясений.

В 1771 г. для чудотворного изображения был построен специальный храм Назаренов, куда на поклонение стали приходить уже не только чернокожие невольники, но даже представители лимской знати. Эта традиция жива до сих пор: каждый октябрь в Лиме проходит под знаком «Кристо Морено», религиозные процессии собирают сотни тысяч людей, в том числе и представителей властных структур. Самый популярный цвет этого месяца — лиловый, в который облачаются не только обычные горожане, но и участники традиционной октябрьской корриды в честь «Христа-чудотворца». Поклонение «черному» Христу распространилось и в других бывших испанских и португальских колониях в Америке, более того, там почитается целый ряд чернокожих святых, первым из которых стал Сан-Мартин-де-Поррес.

Как уже упоминалось, население африканского происхождения внесло свою лепту и в то, чтобы обогатить музыку, кухню и даже язык перуанцев. Так, например, популярный во многих странах Латинской Америки музыкальный инструмент маримба получил свое название от порта на побережье Анголы, откуда невольников увозили на американский континент. Многие перуанские мелодии созвучны знаменитым «спиричуэлс» юга США, особенно района Нового Орлеана, где на их основе в свое время сформировалось новое тогда музыкальное направление — джаз. Протяжные негритянские песни-молитвы наряду с зажигательными танцевальными ритмами естественным образом вошли в обыденную жизнь бывших испанских и португальских колоний. Они придают особый стиль религиозным и светским праздникам, а негритянский танец «самакуэка» стал предшественником знаменитой «маринеры» — одного из самых популярных и узнаваемых перуанских танцев.

Как явствует из названия, «маринера» — это танец, посвященный ожиданию подругой моряка ее возлюбленного. Танец парный, обязательным его элементом является платок (или шаль), который подчеркивает изящные движения рук партнеров. Пары красиво кружат на некотором расстоянии друг от друга, постепенно ритм наращается. Танец очень живой, темпераментный, но при этом вполне целомудренный. Несколько раз партнер приближается к партнерше настолько, что может ее поцеловать, но та каждый раз уклоняется от поцелуя.

Еще одним популярным перуанским танцем является «алькатрас», который имеет также и второе название — «фестехо». Согласно преданию, во времена рабовладения неграм запрещалось собираться на свои молитвы и праздники днем. Поэтому они встречались ночью, в кромешной тьме, подальше от господского дома. Танцоры (мужчины и женщины) прикрепляли

к поясу жгутик, который надо было поджечь при помощи горячей свечи. Под звуки быстрой и ритмичной музыки партнер (или партнерша) пытались подкрасться сзади к своему избраннику и поджечь жгутик. Если танцор испытывал симпатию к своей партнерше, то ей довольно быстро удавалось это сделать, если же нет, то танец мог длиться долго и безрезультатно. Эта игра с огнем, полная желания и опасности, способность танцевать среди языков пламени завораживает и потрясает зрителей. Возникнув как чисто негритянский танец, «фестехо» со временем стал широко популярен, в том числе, и в привилегированных слоях населения.

Так танцуют «фестехо»

Этот пример свидетельствует о том, что процесс интеграции негров в перуанское общество шел постепенно, отношение к ним менялось как со стороны официальных властей, так и со стороны граждан. В 1940 г. проводилась перепись, в которой последний раз в истории современного Перу использовался термин «раса». Однако современные аналитики отмечают, что процесс этот не завершен и сегодня, и людям с темной кожей сложнее получить хорошее образование, а, следовательно, и хорошую работу. Проблематикой «афроперуанос» занимается специально созданный Центр изучения и развития афроперуанос (Centro de Estudios y Promoción afropereuano, LUNDU). Есть всего несколько сфер общественной деятельности, в которых негры могут добиться значительного успеха. Прежде всего, это сфера массовой культуры. Многие из «афроперуанос» успешно сочетают творчество с официальным статусом, как, например, Сюзанна Бака, удостоенная премии Грэмми за лучший фольклорный альбом в 2002 г. В основе его музыкального ряда — африканские ритмы. В действующем правительстве пост министра культуры занимает Виктория Санта Крус — специалист по народному творчеству и директор национального фольклорного объединения Института национальной культуры.

Другой сферой, где чернокожие могут добиться и добиваются очевидных успехов, является спорт. Среди известных перуанских футболистов, волейболистов, боксеров, выступающих за национальную сборную, а также приглашенных в команды других стран, есть и «афроперуанос».

Специфической формой протеста, к которой прибегает население африканского происхождения, является формирование общественных организаций по национальному признаку. Причем в основе их идеологии лежит ориентированная на достижение власти своеобразная форма национализма и расизма, так называемая теория или доктрина «негритюда». Сторонники этой теории существуют и в США, где на базе идеологии расовой исключительности чернокожих сформировались такие группы, как «Черные пантеры».

Особую активность они проявляли в 60—70-х годах, когда в США активизировалось движение за равноправие негров, однако в той или иной форме действуют и сейчас. Подобные идеи имеют хождение и в странах Африки, где по окончании периода апартеида наблюдались случаи погромов и физической расправы над белым населением.

Глобальные изменения, происходящие в современном мире, ставят перед правительствами всех стран задачу по поиску наиболее адекватного варианта сочетания собственных национальных интересов и тех общемировых процессов, которые в той или иной форме касаются каждого человека. Технологический прорыв, рост мегаполисов, загрязнение окружающей среды, терроризм — эти проблемы необходимо решать не только исходя из интересов группы стран, причисляющих себя к «золотому миллиарду», но и с учетом интересов всех остальных. Иначе человечество может оказаться втянутым в конфликт цивилизаций, о чем предупреждал еще Сэмюэл Хантингтон⁵.

Эти же проблемы в рамках отдельно взятой страны — такой, например, как Перу — представляют собой сложнейшее сочетание целей и задач для национального правительства. Чего стоит, скажем, проблема мегаполиса, в который превратилась Лима, с населением в более чем 8 млн человек. В этом огромном городе негры живут в отдаленных кварталах, где нет элементарных удобств, школ, медицинских учреждений, магазинов, воды, а главное — нет работы. Именно там больше всего проблем с наркотиками и преступностью, именно там формируются маргинальные слои, которые проявляют все большую политическую активность и готовы к любым формам протеста. Это еще раз говорит о важности изучения проблем «афроперуанос».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ I. F r a n c o. La presencia negra en el Nuevo Mundo. La Habana, 1968, p. 19—20.

² К. М а р к с. Капитал. М., 1955, т. 1, с. 784.

³ История Перу с древнейших времен до конца XX века. М., 2000, с. 224.

⁴ Там же, с. 106.

⁵ S. H u n t i n g t o n. The Clash of Civilization: Remarking of World Order. New York, 1997.